

Елена Михайлова: Создание Музея Александра Зиновьева – в интересах российской культуры

В 2009 году Государственному Литературному музею исполняется 75 лет. Накануне юбилея журнал «Зиновьев» попросил ответить на ряд своих вопросов Елену Дмитриевну Михайлову, заместителя директора по научной работе, заслуженного работника культуры РФ.

– В чём в главном, в Вашем представлении, отличаются западные музеи от отечественных?

– Если говорить о музеях вообще, то, наверное, на этот вопрос ответить невозможно. Если говорить о музеях изобразительного искусства, то я думаю, что отличий не так уж много. Наши главные музеи, посвящённые истории изобразительного искусства, уже давно вовлечены в международное сотрудничество. Здесь взаимовлияние очень большое. Это вопрос ситуации каждого музея: какое

В России музеи

создаются

с установкой

на раскрытие

внутреннего

мира, бытия

здание, какая коллекция, какой коллектив, какие задачи. Те или иные экспозиции делаются совершенно конкретными людьми, но есть общие законы развески живописи, графики и так далее, и всё это традиционно зависит от того, какую вы поставили себе цель, делая ту или иную выставку.

Если говорить о литературных музеях, то литературные музеи России, и Государственный Литературный музей как головной

музей данного профиля, действительно, «впереди планеты всей». Это признано всеми нашими коллегами. Даже в странах, где есть историко-литературные музеи, – в Чехии, в Венгрии, в Германии, – в большинстве случаев экспонируется коллекция как таковая, не ставится задача раскрыть в экспозиции историю литературы того или иного времени.

При этом надо помнить, что есть несколько типов литературных музеев. Есть литературно-мемориальные музеи, которые совмещают в себе мемориальную часть и литературную экспозицию, есть чисто мемориальные музеи, есть музеи, где мемориальное пространство ис-

пользовано для создания историко-литературного рассказа. В отечественных музеях установка делается на то, чтобы даже в чисто мемориальных музеях через быт показать бытие. В ряде мемориальных музеев, которые я видела на Западе, воспроизведён только быт писателя, не чувствуется намерения среди мемориальных вещей отобрать такие, которые дают возможность рассказать о внутреннем содержании жизни героя именно в этом месте.

Например, в музее Гёте во Франкфурте-на-Майне, организованном в доме деда Гёте, много уникальных вещей, и мемориальных, и типологических. Это создаёт атмосферу эпохи, но нет ощущения, что именно Гёте жил тут ребёнком, юношей или взрослым человеком. Да, ты представляешь время, когда он был юным. Но с таким же успехом это мог бы быть и музей любого другого писателя или учёного. Может быть, я немного утрирую, но мне кажется, что это так. Правда, иногда, самые неожиданные вещи оставляют очень сильное впечатление. Так, в Музее Моцарта в Зальцбурге кухонная ниша со старинной медной посудой, размещённая на лестничном пролёте по пути к квартире, где проходило детство композитора, мне более всего сказала об эпохе.

В России, повторю, музеи создаются с установкой на раскрытие внутреннего мира. Это стало определённого рода традицией, если не нормой. И тогда, когда сохранилась полностью мемориальная обстановка, и тогда, когда это её реконструкция.

Возьмём, например, Ясную Поляну. Там сама по себе обстановка многое говорит о Толстом. Видно, какая у него маленькая спальня, как низко любил сидеть этот высокий человек на низком стуле с обрезанными ножками. И всё, что его окружало, отобрано им. Но с какой установкой музейщики делали, скажем, «комнату под сводами»? Музей делался на 1910 год, старались сохранить обстановку 1910 года. Создавая экспозицию этой комнаты, которая в разные годы жизни Толстого имела разное назначение, решили, что всё-таки важнее рассказать не о том, что здесь когда-то жила его дочь, или что здесь была гостевая, но обязательно обозначить, что в этой комнате были написаны многие страницы «Войны и мира». Эти поиски говорят о главной цели отечественных экспозиционеров – раскрывать бытие. И наши европейские коллеги, посещая музеи русских писателей, часто испытывают настоящее потрясение.

Правда, и на Западе можно увидеть музеи, где при реконструкции быта писателя широко вводились предметы,

отражающие его внутренний мир. Так, в музее венгерского поэта Михая Бабича в г. Эстергоме, многое говорит о его музыкальных увлечениях, художественных вкусах, дружественных связях.

В ряде стран есть литературные музеи, которые скорее являются музеями-архивами. Цель таких музеев – именно показать уникальные экспонаты своего собрания. В Вене, в одном из композиторских музеев, экспонируются ноты, работа над партитурами, издания нот. В общую картину жизни композитора такая экспозиция не складывается. Это, скорее, музей для профессионалов. Но в той же Вене меня покорила Музей музыки, где на редкость органично сочетаются современные технические возможности с бережным отношением к раритетам и умелым введением интерьерных «уголков» – Бетховена, Листа. Музей рассчитан как на самого неискущённого зрителя, так и на профессионала. Рассказывая об истории музыки, музей будет интересен для приверженцев любых направлений её развития, а также является весьма полезным образцом музейного искусства.

Если вернуться к историко-литературным экспозициям, то надо помнить о том, что нельзя «идею повесить на стенку», а всякая экспозиция начинается с идеи, с концепции. Но при воплощении этой концепции необходимо стремление к тому, чтобы через вещи раскрыть общую картину внутреннего движения экспозиции (творческого пути отдельного писателя, или определённой литературной эпохи). Даже если человек придёт в музей сам по себе, без экскурсии, он поймёт ход мыслей экспозиционеров – он ощутит и время, и его идейное содержание.

И в этом плане очень важна российская традиция использования в литературной экспозиции материалов эпохи, о которой идёт речь. Такая тенденция прочно вошла в практику литературных музеев России в 60-е – 70-е годы прошлого века и значительно сказалась на деятельности литературных музеев во всём мире.

– Каким, на Ваш взгляд, должен быть идеальный литературный музей (представьте, что Вы не ограничены в средствах)?

– Поскольку я уже сказала, что музеи бывают разные: литературные, историко-литературные, мемориально-литературные, – идеального музея я вообще не вижу.

Что нужно для идеального музея? Чтобы идеально сошлось всё.

Во-первых, место. Дом с литературной историей. Даже если это литературная экспозиция. Скажем, наш «Музей литературы Серебряного века» оказался в доме, выстроенном в стиле модерн: сошлось время и место.

Во-вторых, необходима полнота коллекции, которая даёт возможность сделать нужную экспозицию – литературную или мемориальную.

В-третьих, важна культурная значимость героя, которого мы показываем. Иногда герой может быть не очень известным, но для какого-то места значительным, тогда создание музея оправданно. Очень важна роль музея в провинции, где он выступает центром концентрации духовных и творческих сил, влияет на формирование культурного облика местных жителей, воспитывает интерес к «малой истории», к своему прошлому, заставляет людей задуматься о личной ответственности перед будущим – перед своими детьми и внуками.

Европейцы, посещая музеи

русских писателей,

испытывают потрясение

Очень важно, чтобы у экспозиции, мемориальной или литературной, обязательно было своё лицо. Чтобы она не повторяла в точности каких-то ходов других музеев, посвящённых этому же писателю. Было время, когда все музеи Чехова в России делали такую экспозицию, чтобы там всё – от «а» до «я» – рассказать о Чехове. И, с одной стороны, это понятно. У каждого музея есть своя аудитория, везде живут люди, которые, может быть, никуда больше не поедут, посмотрят только это, а больше ничего не увидят. Но с годами пришли к тому, что литературные экспозиции, посвящённые одному герою, должны отличаться друг от друга. В Таганроге, в системе чеховских музеев, есть литературная экспозиция. Она тоже рассказывает о жизненном и творческом пути писателя, но там есть своя сквозная тема – это Чехов и Таганрог. Она выявлена на всём протяжении экспозиции. И когда речь идёт о периоде московской, мелеховской или ялтинской жизни Чехова, то найдены пути показать, что писатель никогда не терял связи с родным городом. Так, Чехов очень много сделал для пополнения Таганрогской библиотеки: высылал свои книги, просил у других писателей с автографами, закупал в столичных книжных магазинах необходимую художественную и научно-популярную литературу. Эти книги стали раритетами библиотечного собрания. Многие из них экспонируются сегодня в музее. Это тема – чисто таганрогская. В Мелихово своя тема. Там будут рассказывать о том, как он работал на переписи, о том, как он создавал медицинский пункт, о том, как он на холере работал. В московском музее, где линия идёт от приезда Чехова в Москву до момента его смерти, разговор о его работе на переписи или на холере очень скупой, буквально две-три карточки. Но московская экспозиция вся пронизана московской темой, что подчёркивается как содержанием, так и оформлением экспозиции.

Что касается идеального музея, то сегодня необходимо говорить и о технической стороне дела – качестве оборудования, освещении, охранной сигнализации и т.д. Это другая сторона вопроса и, прежде всего, вопрос финансирования. Но если бы у меня были неограниченные средства, я прежде всего тратила бы их на реставрацию домов и предметов, на покупку экспонатов. И, конечно, на создание «совершенных» экспозиций. И на оплату труда. Потому что в музее остаются люди бескорыстные, преданные своему делу. И хочется, чтобы они работали, не думая вечно о том, как прокормить свою семью, где ещё подработать и т.д.

– Грядёт 10-тилетний юбилей музея Серебряного века. Какими особенными переживаниями и запоминающимися событиями Вы могли бы и хотели бы поделиться с нашим журналом?

– Многолетний директор Государственного Литературного музея, к сожалению, ушедшая от нас в 2006 году, Наталья Владимировна Шахалова обладала не только

смелостью, но и, в некотором роде, авантюризмом характера. И первым переживанием был сам факт того, что она взяла этот дом, который никто не брал. Дом мы получили, – и есть об этом документ, – в состоянии «под снос». Он до этого два раза горел, тут был котлован и 4 метра воды, лесенка – в небо... Дом девять лет реставрировался. Было много переживаний по поводу реставрации. Всё восстанавливалось по старым чертежам. Время было не такое уж лёгкое материально. Началось всё в советское время. Потом была перестройка, или, как называл это время Александр Зиновьев, «катастрофка». Реставрация дома финансировалась, но умеренно, поэтому всё растянулось на 9 лет. И, может быть, какие-то элементы реставрации были произведены недостаточно высококачественно. Это обидно, но это тоже был вопрос денег. Открытие музея пришлось на 26 октября 1999 года. Коллектив был уже в 1996 году готов к тому, чтоб начать создавать экспозицию, но не было денег на то, чтобы довершить «косметику» интерьеров и начать работать с художником. «Пушкинский год» в этом плане нам помог. Наша литературная экспозиция, и это оказалось очень разумным, была названа «А.С. Пушкин и Серебряный век русской литературы». Пушкин введён в экспозицию достаточно корректно, ведь ни одного писателя Серебряного века представить без Пушкина невозможно. Каждый с Пушкиным жил.

Место для идеального музея – дом с литературной историей

А главное событие... Есть такая фотография: мы сидим за столом с нашим художником Аветом Александровичем Тавризовым, лица у нас счастливые до невозможности. На ней запечатлён момент, когда мы поняли, что вбили последний гвоздь, что всё закончили. Момент окончания экспозиции – всегда очень сильное переживание, поскольку, с одной стороны, кончается работа, а, с другой, ты сразу понимаешь, как можно было сделать её ещё лучше. Работа над созданием новой экспозиции, на мой взгляд, счастливейшие периоды жизни. Действительно, когда у тебя что-то начинает получаться, или какие-то новые повороты находишь – это счастье. Чувства и эмоции, которые ты испытываешь, когда создаёшь экспозицию, трудно поддаются описанию. Огромная радость и тогда, когда видишь восприятие новой работы посетителем. Конечно, если работа нравится. Это – как любовь. В осуществлении. Вот такое большое чувство.

И ещё, конечно, одна из главных эмоций в музейной работе – это чувство коллектива. Музей у нас очень большой, разбросанный по всей Москве, у него много филиалов, – но когда собирается группа в работе над экспозицией, появляется внутренняя очень сильная спайка. Особенно ощущаешь, что вы – один коллектив. Не мешают этому никакие распри, творческие споры, даже, если они выливаются в обиды, в слёзы... Ты знаешь, что рядом с тобой товарищи, которые абсолютно преданы музею. Это тоже очень сильная эмоция в музейной жизни.

Десять лет «Музею литературы Серебряного века» это замечательно, но в этом году Государственный Литера-

турный музей, в состав которого входит «Музей литературы Серебряного века» отмечает юбилей своего основания. Нам исполняется 75 лет! Это большая дата, которую, думаю, мы ещё по-настоящему не осмыслили. Хотя есть некоторые работы по истории Литературного музея, хотя мы помним всех своих директоров, не забываем своих сотрудников, но обстоятельной истории музея пока нет, есть фрагменты, много материалов: документы, издания, афиши, фотографии, записи вечеров и творческих встреч, воспоминания сотрудников, рецензии. Нужно всё систематизировать и попытаться свести в единую летопись.

В истории Государственного Литературного музея было два директора, определивших его содержание и облик, – Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, основатель музея, собиратель его коллекции, организатор научной деятельности, и Наталья Владимировна Шахалова, под руководством которой музей превратился в большую «звёздную систему», включающую в себя литературные и мемориальные экспозиции музейев М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.Я. Брюсова, А.В. Луначарского, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, Б.Л. Пастернака, К.И. Чуковского. Но когда я недавно стала думать о других директорах, я поняла, что-то у каждого было своё, каждый внёс свой содержательный вклад в строительство Государственного Литературного музея. И, наверное, если человек своей мыслью хоть как-то повернул работу в несколько иной ракурс, он тоже достоин того, чтобы серьёзно войти в историю музея.

Кроме того, за эти долгие годы в музее работали многие замечательные люди, о которых есть что сказать. История музея как всякого учреждения – это ещё биографии тех людей, которые себя с музеем связали. И каждому, кто здесь работает, надо это осмысливать и задумываться о том, что они внесли в общее дело.

А что касается будущего Литературного музея, то ещё Бонч-Бруевич мечтал, что будет замечательное здание для Литературного музея. Ведь Государственный Литературный музей имеет драматическую историю – основное его местопребывание менялось неоднократно. Так и сегодня стоит вопрос о главном здании музея, где можно было бы развернуть большую экспозицию по истории русской литературы, полновесно представить наше собрание.

В конце 1960-х Литературный музей совместно с Моспроектом работал над проектом нового здания. В газете «Правда» в начале 70-х была опубликована фотография проекта. Не удалось – не успели начать копать котлован, финансирование прекратилось. И до сих пор стоит вопрос. Сейчас особенно остро. Основная территория нашего музея находится в Нарышкинских палатах Высокопетровского монастыря. Я не могу сказать, что это идеальная ситуация для музея. Хотя все те годы, что музей там существует (с 1968 года), коллектив экспозиционно использовал помещение очень интенсивно. Палаты исконно были жилым помещением Нарышкиных – там маленький Пётр I когда-то бегал, и юношей он там бывал. И со своей первой женой он был обручён в этом монастыре, так что там есть ещё такая историческая основа, которая тоже интересна посетителю, и музей всегда бережно относился к этому историческому пространству.

Но сейчас у нас конфликтная ситуация. Уже давно по ельцинскому указу было решено все помещения освободить под монастырь, хотя есть строка о том, что нам

должны предоставить адекватное помещение взамен. До сих пор всё то, что Литературному музею предлагали, было не просто невозможно, это было просто стыдно. Стыдно за тех, кто думает, что музей может разместиться в совершенно не приспособленных для этого помещениях. Или музей сталкивается с прежними хозяевами. Однажды, по указанному нам адресу, мы обнаружили, что там живёт замечательное собрание бывшей ИМЭЛовской библиотеки, уникальная книжная коллекция, где стоят книги, начиная с XIV века. Нам было очень неприятно такое столкновение с родственным учреждением. Конечно, мы отказались. Или предлагают какие-то помещения очень малой площади, где маленькие клетушки, годные только

В части бывшего здания Института философии можно разместить Музей Зиновьева

Недавно возник ещё один «очаг напряжённости». Наши фонды очень разбросаны по Москве. Книжные фонды находятся в здании по адресу Рождественский бульвар, 16, где после революции жил Демьян Бедный – не только революционный поэт и партийный функционер, но ещё и крупнейший библиофил своего времени, собравший около 30 000 томов, от рукописных книг до изданий своего времени. Эта библиотека явилась основанием книжного фонда Литературного музея. Сейчас наше книжное собрание насчитывает почти 500 000 единиц хранения! Книжные фонды существуют в этом здании исторически. Это здание само по себе памятник культуры. Фактически – это библиотека-музей, рассчитанная на научное и экспозиционное использование. И вдруг руководство Сретенского монастыря, расположенного с нами по соседству, решило почему-то все близлежащие к нему здания к себе присоединить. В том числе бывшее

под офисные комнаты, а отсюда не для музейной жизни. А на Петровке на нас наступают монастырь, который хотел бы занять все помещения Палат целиком. Некоторые свои помещения музей им передал несколько лет назад в знак «доброй воли» и готовности к конструктивному сотрудничеству. Вместо этого – суды.

всегда светским (его построил для себя купец Цакни) здание, в котором в последние 70 лет «живут» книжные фонды Литмузея. Там хотят сделать Музей репрессированного духовенства. Но я думаю, что, даже поставив себе такую высокую цель, нельзя выселять учреждение культуры из помещения, которым никогда этот монастырь не владел, никаких исторических и правовых оснований для такого выселения нет.

То, что нам приходится тратить силы, нервы, переживать, волноваться за наши музеи – это не единичный случай. По России много можно привести таких примеров. Ведь культура сохраняла и церковные исторические ценности – и произведения искусства, и многие здания сохранились потому, что там были музеи. Многие музеи из таких зданий сейчас выехали. Слишком часто Церковь на музеи нападает и не учитывает роли музеев в сохранении собственных ценностей, в сохранении духовности. Это сложный вопрос, но, очевидно, должно быть большее взаимное уважение.

– Каковы перспективы музейного наследия Александра Зиновьева?

– Думаю, что читатели журнала «ЗИНОВЬЕВ» помнят, что в 2007 году Государственный Литературный музей при деятельном участии Ольги Мироновны Зиновьевой создал первую экспозицию, посвящённую жизни и творческому наследию Александра Александровича. Опыт выставки «Иди!» показал наличие большого потенциала для работы в этом направлении, и мы всегда готовы помочь, оказать методическую помощь, дать экспертную оценку. Фигура Зиновьева очень интересная и очень разнообразная: он и мыслитель, и, бесспорно, писатель, и художник очень интересный, с яркой, драматичной судьбой. Было бы прекрасно, если бы был создан музей на его родине. А в Москве, учитывая, что здание Института философии Академии Наук передаётся в ведение Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, может быть, было бы правильно обратиться к руководству музея с предложением о создании в части помещений бывшего здания Института философии экспозиционного пространства, в котором разместился бы фонд А.А. Зиновьева. Тем более что Музей изобразительных искусств активно формирует фонды «Музея частных коллекций» и широко использует их в своей выставочной работе. Это был бы красивый компромисс, учитывающий интересы, в первую очередь, российской культуры.

Книжные новинки

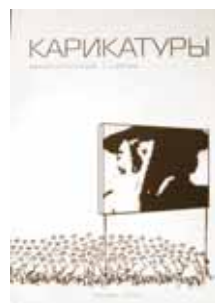

Большаков В. Остров Россия. М., 2009.

Автор книги, известный журналист-международник Владимир Большаков рассматривает внешне-политическую картину, сложившуюся вокруг нашей страны после распада СССР, вскрывает причины противостояния России и «мировой закулисы».

Если завтра война... Готовы ли мы дать отпор агрессору, сломить противника, не утрачен ли

окончательно боевой дух Российской Армии. Кто станет союзниками России, если случится самое страшное?

Вадим Коноплянский. Карикатуры. М., 2009.

Альбом художественных работ карикатуриста Вадима Коноплянского. Участник многих отечественных и зарубежных выставок карикатуры – в Токио, Габрово, Монреале, Берлине. Отмечен премиями.